

Спешу объяснить, о ком и о чем идет речь: о комедии Джорджа Этериджа «Франт», сыгранной театром «Аут-оф-Джойнт» (режиссер Макс Стэффорд-Кларк), — пьесе, московскому зрителю не слишком знакомой, и другой комедии, известной нам больше — «Как вам это понравится» Шекспира, которая была показана в исполнении (интерпретации) театра «Чик бай Джаул» (режиссер Деклан Доннеллан).

Оба этих спектакля (плюс еще мюзикл «Умник», поставленный по роману Арнольда Беннета, его я не видел, не знаю — к счастью или к сожалению) представили в Москве сезон английского театра, посвященный визиту в нашу страну королевы Великобритания Елизаветы II.

На этом, как мне кажется, «официально-информационная» часть может быть завершена, и я с удовольствием перехожу к самим спектаклям, ибо каждый из них (а вместе, в сопоставлении, в неожиданном столкновении — тем более) вполне являет собой «сюжет для небольшого рассказа».

Комедию Этериджа я читал весьма давно, в пору своей филологической юности, и, признаюсь, не слишком помнил ее сюжет. Сюжет оказался, при всей внешней замысловатости, достаточно элементарным, интрига — более чем банальной. Но ведь не за сюжетом и не за интригой приходим мы в театр, особенно тогда, когда речь идет о пьесе не столько классической, сколько в значительно большей степени «музейной». И хотя тот факт, что русской сцене она практически неизвестна, да и на английской ставится сегодня крайне редко, еще ни о чем не говорит, но все же, пожалуй, за этим стоит и некая неслучайность тоже.

И когда подобный раритет извлекается из музейной затхлости, единственный надежный способ привлечь к пьесе внимание и интерес сегодняшнего зрителя — это разглядеть за хитросплетением сюжетных ходов, за многословием ее героев — живое чувство, что-то не подверженное тлению, что-то оставшееся, несмотря на прошедшие со времени ее создания три с половиной столетия. Это чувство не означает, что надо лихорадочно искать в пьесе какие-то аллюзии, что в каждом из ее персонажей мы непременно должны узнавать некое лицо из нашего сегодняшнего бытия, разумеется, нет! Но что-то живое, что-то, условно говоря, общечеловеческое должно же в ней быть, а иначе — зачем?

Парадоксально, но на протяжении всего спектакля, несмотря на энергию актеров, на их несомненный талант и молодой задор, меня не оставляло ощущение вторичности. Вот это похоже на Фальстафа с его компанией, только у Шекспира получалось лучше; а это ужасно напоминает «Школу злословия» Шеридана, но и у Шеридана все казалось тоньше, изящнее и глубже. Я уж не говорю про действительно классический мхатовский спектакль, где Яшин, Андрюшская, Кторов потрясли одновременно и полнейшим растворением в своих персонажах, и совершенно удивительной остротой, которая, правда, как говорят, противоречит системе Станиславского. Но когда смотрел в зрительный зал этот великий спектакль, ей-богу, о системе не думал, а думал совсем о другом. А быть может, впрочем, и о том, что «система» потому-то и гениальна, что позволяла на самом деле — все.

В исполнители роли Дориманта Дэвиде Уэстхеде есть обаяние, шарм, эдакая наглая победительность признанного и удачливого покорителя сердец. В спектакле аристократическая богема играет в простонародье, весьма рискованная скабрзность сочетается с куртуазностью слов и ужимок, актеры изо всех сил веселятся, а не оставляют ощущение натужности, и в причину их такого невозможного веселья (равно как и неожиданно возникающих драматических моментов) вникать как-то не хочется. Разыгрывая это слишком уж всерьез, они остаются безнадежно отъединенными от зрительского зала, и сливаясь душевного, человеческого не происходит.

Мне трудно сказать, можно ли вообще как-то оживить эту пьесу, чтобы она воспринималась не только как музейный экспонат, несомненно, весьма ценный, но, столь же несомненно, безнадежно скучный — я этого не знаю. Но мне лишь кажется, что на этот раз пьеса так и осталась принадлежностью музейной витрины — возможно, в ожидании более дерзкого, более отважного интерпретатора.

Создам новое ощущение от спектакля «Как вам это понравится». На пресс-конференции, организованной Британским Советом, руководители театра «Чик бай Джаул» режиссер Деклан Доннеллан и художник Ник Ормеод говорили много и необычно. Причем первый — живой, открытый, улыбающийся, второй —

расслаивать это в его пьесах. Деклан Доннеллан умеет,

Это стало очевидно и на спектакле «Мера за меру», подтвердилось и на этот раз на комедии «Как вам это понравится». И речь идет вновь не о поверхностных аллюзиях, не о грубом, насильственном осовременивании классики, а об открытии ее поистине безграничных, бездонных, неисчерпаемых глубин, общечеловеческого смысла — того, что на все времена.

Признаюсь, в спектакле «Как вам это понравится» я это ощутил и понял далеко не сразу, хотя с первых же сцен постановка поразилась. Женские роли играют актеры-мужчины, причем главную роль, роль красавицы и умницы Розалинды, которая должна покорять и сво-

КЛАССИКА МУЗЕЙНАЯ И НА ВСЕ ВРЕМЕНА

мрачноватый, сдержанный, немногословный, два кажущихся антипода — они в действительности прекрасно дополняют друг друга, возглавляя созданный ими театр вот уже четырнадцать лет. Они рассказали, к примеру, о том, что именно в их театре английские зрители впервые (!) смогли увидеть такие весьма небезызвестные и вполне классические произведения, как «Андромаху» Гасине, «Сиды» Корнелия, «Брага своей чести» Кальдерона, и даже «Свои люди — сочтемся» А. Н. Островского.

В июне этого года театр «Чик бай Джаул» впервые побывал в Москве со спектаклем «Мера за меру». Доннеллан ставит Шекспира вовсе не потому, что Шекспир является «национальным достоянием» (музейной реликвией!), но потому, что он абсолютно живой, говорящий с нами и с нас. «Мы» ведь все весьма эгоистичны и сосредоточены на себе — заметил Доннеллан. Именно поэтому мы и ставим Шекспира. По мнению режиссера, никто лучше Шекспира не описал ни нашу эпоху, ни наши проблемы и тревоги, надо только уметь

дать с умом своими чарами, играет не просто мужчину, но мужчину чернокожий, негр, да еще в очках! И хотя на пресс-конференции Доннеллан чуть лукаво говорил о том, что это, мол, есть возвращение к традициям елизаветинского театра, где, как известно, играли только мужчины, понятно было, что традиция тут ни при чем, что замысел режиссерский, если от них и отталкивался, то с иными целями и по иным причинам.

Ведь на елизаветинскую сцену женщины-актрисы не допускались из соображений религиозно-нравственных, хрестоматийно известно, что в «Короле Лире» Корделия и Шут никогда не встречаются на сцене, в частности и потому, что в театре «Алюбус» обе роли играл один актер. Забавно было услышать, кстати, от Доннеллана вопрос: существовала ли подобная традиция в русском театре? И присутствовавшие на пресс-конференции гордо ответили, что нет. И привели пример, столь же хрестоматийный: как знаменитая Екатерина Семенова стала княгиней Гагариной, не

оставил при этом сцены. Так что в этом вопросе мы неожиданно оказались на высоте.

Так вот, поначалу это переосоздание, смешение полов показалось мне и странным, и неуместным: мне увиделась за этим утрата смысла шекспировской комедии (мудро-печальной и заразительно веселой одновременно). Мне показалось, что за нескрываемой пародийностью, за откровенным травестированием исчезает суть шекспировской пьесы, как если бы странствующие актеры вместо «Убийства Гонзаго» разыгрывали сюжет «Гамлета». И не оставлял недоуменный вопрос: а что же за словами, какой смысл, что все это значит? И о какой любви может идти речь между этим Орландо, искренностью, непосредственностью, внутренней чистотой напоминающим больше князя Мышкина (чудесный актер Скотт Хэнди) и этой Розалиндой (блеск и талант исполнителя ее роли Адриана Лестера я оценил чуть позже)? Уж не пародия ли спектакль, а ведь режиссер говорил что-то возвышенное о Любви, аура которой заполняет собой всю сцену. И лишь исподволь, постепенно, за шуточками, ужимками, придумками, стало проступать главное, то самое общечеловеческое начало, о котором я говорил раньше.

Стало проступать Шекспир — не то чтобы осовремененный, но просто повернутый чуть-чуть иным ракурсом. Я понял, что Деклан Доннеллан и его профессиональные, пленительно раскованные актеры, которые могут одновременно, в один и тот же миг сценического бытия, играть и пародию, и искреннее, высокое чувство, создали спектакль раскрепощенный, свободный от предрассудков, поражающий своим вольнодумством, пиететом перед классикой и столь же явной непочтительностью по отношению к ней.

Любовь Орландо и Розалинды несет в себе еще и трагизм, которого не было у Шекспира, потому что оба они — мужчины и оба об этом знают, именно поэтому все слова обретают совершенно новый смысл — не скабрзный, не запретный, но другой. Тогда понимаешь прелесть лукавства Адриана Лестера и наконец-то в должной мере оцениваешь его трагедию (мужскую, женскую, неважно), его фантастическую способность к остротности, умение быть одновременно и женщиной — героиней шекспировской комедии, и мужчиной — актером, играющим ее роль.

В нем есть виртуозность таланта, не подражаемый юмор и много-много другого. В неожиданную просветленность, праздничность, яркость финала (вновь — настоящую и чуть пародийную) — веришь абсолютно. Понимая, что Любви покорны не только все возрасты, но и вообще — Все и Все. Как ни странно — но именно об этом написал свою веселую и печальную комедию Шекспир, и потому, при кажущейся далекости от Шекспира, это спектакль — шекспировский.

А может, Деклан Доннеллан в самом деле прав, и Шекспир — действительно лучший современный английский драматург? Во всяком случае, два шекспировских спектакля, поставленных театром «Чик бай Джаул», дают все основания, чтобы принять это утверждение, высказанное их вдохновителем и создателем.

Режиссер говорит, что никогда не приходит на репетиции с готовым решением — спектакль рождается в сотрудничестве, в процессе общения с актерами, художником, композитором, ибо, как известно, театр дело коллективное. Потому я приношу извинения всем тем, кто здесь не назван, понимая, что каждый из них был единственным и незаменимым звеном, без которого не сплелась бы хитроумно задуманная и блистательно выкованная золотая цепь. И мы бы не увидели, в которой уж раз, потрясающего неисчерпаемостью, мудрого и насмешливого, нежного и скептического — настоящего Шекспира.

Юрий ФРИДШТЕЙН.

Скотт Хэнди — Орландо, Розалинда — Адриан Лестер.